

УДК 329.12

Головченко А.В.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского*

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация

МОРАЛЬНЫЕ ИНВЕРСИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления моральной инверсии российского либерализма, понимаемые как изменения отношения лидеров российского либерального политического лагеря к проблеме связи политики и морали в постсоветской России. Автор считает, что в результате проведённых реформ были нарушены представления об индивидуальных критериях моральности человека как применительно к рядовому гражданину, так и по отношению к представителю властной элиты. Скромность, ответственность за слова и действия, забота о ближнем не вписывались в либеральный порядок реформ. Обоснован вывод, что для значительной части граждан была актуализирована идея снятия ограничений, в том числе моральных, с человека, стремящегося добиться личного успеха в политике и экономике.

Ключевые слова: либерализм, российский либерализм, либеральные реформы в России, моральная инверсия либерализма, индивидуальные критерии моральности человека.

A. Golovchenko

*Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russian Federation*

MORAL INVERSIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN LIBERALISM

Abstract. This article examines the main directions of the moral inversion of Russian liberalism, understood as a change in the attitude of the leaders of the Russian liberal of the political camp to the problem of linking politics and morality in post-Soviet Russia. The author believes that as a result of the reforms carried out, ideas about the individual criteria of the person's moral integrity, both in relation to an average citizen and in relation to a representative of the power elite, were violated. Modesty, responsibility for words and actions, concern for the neighbor, did not fit into the liberal order of reforms. The conclusion is substantiated that for a significant part of citizens the idea of lifting restrictions, including moral ones, was actualized from a person striving to achieve personal success in politics and economy.

Keywords: liberalism, Russian liberalism, liberal reforms in Russia, moral inversion of liberalism, Individual criteria of human morality.

В данной статье предметом исследования будут не личные моральные качества лидеров современного российского либерализма. Понятием «моральные инверсии» мы обозначили изменения в течение последних двух десятков лет отношения лидеров российского либерального политического лагеря к проблеме связи политики и морали. Проблема, обостряющейся в любом обществе и государстве, когда те переживают модернизацию и когда нарушается привычный баланс желаемого и дозволенного в политике, экономике и праве.

Для политического анализа структуры и динамики изменений, которые в последние два десятилетия претерпели представления отечественных теоретиков и практиков либеральной политики о моральных основаниях последней, важным представляется понимание общей логики таких изменений. Российский либерализм всегда, в том числе в новейшей истории России, развивался в русле тенденций, свойственных западным либеральной политике и либеральной мысли. В русле того понимания, в частности, природы, сущности и функциональности моральных ценностей, которое исторически было свойственно западному либерализму. А также в русле характерного для западного либерализма отношения к истории как к источнику этих ценностей. Развитие российского либерализма в едином русле с либерализмом европейским происходило и происходит, как представляется, не только в силу объективной связанности между собой политических, экономических и культурных процессов на пространствах Евразии. Оно есть следствие уверенности тех, кого мы называем российскими либералами, что все простые и правильные решения в политике уже найдены и поиск чего-то другого лишь обрекает человечество на лишние страдания. Всё это делает необходимым понимание общего контекста, в котором формировалось и существует сегодня представление отечественных либералов о связи политики и морали.

За века обсуждения этого вопроса не была найдена такая трактовка соотношения политического интереса и морального императива, которая бы устроила всех тех, кто является субъектом политического процесса или же только наблюдает за ним со стороны. Отсутствие теоретической чёткости в этом вопросе вместе с тем не является препятствием к тому, чтобы в практической политике элиты, общества и отдельные люди устойчиво стремились к использованию морали в качестве ресурса политического влияния. Моральные принципы становятся востребованными в политике, когда надо решать, что справедливо, а что нет, что легитимно или не легитимно

в ряду политических интересов и решений. О морали вспоминают каждый раз, когда элите требуется оправдать в глазах общества своё поведение, а обществу важно сформировать своё отношение к этому поведению. В этом смысле проблемы морали находятся в фокусе внимания либералов точно так же, как и консерваторов и социалистов. В каком-то смысле любая из известных нам классических идеологий представляет собой заявку её последователей на готовность руководствоваться ценностями традиции, свободы или справедливости в большей мере, чем текущими интересами борьбы за власть. На наш взгляд и по верному наблюдению отечественного политического философа Б. Капустина, либеральная теория и практика всегда были внимательны к ценностно-этическим аспектам политики, и их нельзя сводить, как это делали порой советские исследователи, к капиталистическим идеологии и практике [3].

Другое дело, что в отношении либералов к использованию морали в качестве ресурса практической политики всегда прослеживалась своя специфика. В частности, либерализм традиционно был внимателен к вопросам меры влияния морали на политику. Политическая практика многих государств в истории показывала, что избыток моральных мотиваций наносит политике (как сфере конкуренции интересов) вред не меньший, чем их недостаток. Со временем, возможно, классическим примером «передозировки» морального ресурса во внутренней и внешней политике станет нынешнее поведение стран Евросоюза в решении проблем, порождённых массовыми миграциями в Европу выходцев из стран «третьего мира». Также как уже давно классическим примером хронической нехватки морального ресурса во внутренней и внешней политике являются электоральные процедуры в США, политика провоцирования межгосударственных конфликтов, цветных революций и гражданских войн по всему миру, проводимая этим государством. Многое зависит от стечения конкретных политических и неполитических обстоятельств. Обстоятельства складываются для сознания обществ и элит в контекст, определяющий порой очень разные реакции последних на одни и те же моральные ценности. Возможно, поэтому либеральная политическая мысль в решении вопроса о мере влияния морали на политику и политики на мораль традиционно стремилась делать ставку на правовые способы решения. Способы максимально гибкие и вариативные в сравнении, например, с традицией.

Опору своей вере во всеислие правовых регуляторов либеральные политика и мысль находят, как это ни парадоксально прозвучит, в традициях европейской рационалистической философии. Рационалистическая философия сформулировала парадигму, а развитие в Европе и России буржуазных общественных отношений как бы узаконило её истинность,

согласно которой мораль есть производное от интересов, рационально осознаваемых людьми и обществами. Иначе говоря, морально всё то, что не противоречит упомянутым интересам. Политическая мысль в рамках этой парадигмы сформулировала тезис о классовой и сословной природе не только политических интересов, но и морали. Поэтому консерватизм в последние два века настаивает на моральности всего того (в политике, в том числе), что рационально. А вершиной рациональности для настоящего консерватора выступают традиция и традиционные политические интересы традиционных социальных групп. Социализм же, сообразуясь с той же рациональной логикой, считает моральным лишь то, что соответствует интересам социальных групп, связанных с новыми способами производства и распределения, т. е. интересам прогресса человека и человеческих отношений и практик.

Либерализм, в свою очередь, считает моральность политики свойством, зависимым от качества законов и порядка их использования обществом и государством. Если законы составлены рационально и власть не использует их для ущемления свобод и интересов граждан, не вторгается в порядок частной жизни, у общества нет повода сомневаться в моральности политики и конфликтовать на этой почве с государством. Один из основоположников классического европейского либерализма, Б. Констан, по этому поводу говорил: «До тех пор пока закон, даже дурной, не пытается развратить нас, до тех пор, пока наступление власти требует лишь жертв, которые не делают нас ни подлыми, ни жестокими, мы можем соглашаться и с этим законом и с этой властью. ... Фактическая, не имеющая никаких ограничений общая обязанность состоит в том, чтобы всякий раз, когда закон представляется несправедливым, не превращаться в его исполнителя. ... Ничто не может оправдать человека, оказывающего содействие закону, которое он считает несправедливым» [4, с. 34]. Другой признанный классик европейской либеральной мысли прошлого столетия Л. фон Мизес в своём трактате «Бюрократия» интерпретирует эту принципиальную позицию так: «Действительно плохо, если негодяй избегает наказания потому, что закон несовершенен. Но это меньшее зло по сравнению с судебным произволом. Если законодатели признают закон неадекватным, они могут заметить неудачный закон более совершенным» [5, с. 64].

Это не означает, что либерализм отвергает самостоятельный культурный статус моральных ценностей как таковых, их самостоятельное регулятивное значение для организации неполитических общественных и личностных практик. Он лишь настаивает на том, что вне рациональной правовой регуляции сами по себе моральные ценности не могут выполнить функцию ресурса политики. Закон либо приводит моральный импера-

тив в действие, либо блокирует его. Конституция для настоящего либерала выступает в этом смысле точно такой же вершиной рациональности и моральности политики, как для консерватора традиция, а для социалиста прогресс человечества.

Установка на правовые способы разрешения моральных коллизий в отношениях общества и государства обеспечивала гибкость либеральных теории и практической политики в различных государствах во все времена. Особенно в условиях реформ и модернизаций. Поэтому в современном мире либерализм стал наиболее популярной стратегией политических и экономических реформ и модернизаций. То и другое требуют обычно лавирования между интересами государства и общества и интересами различных социальных групп. В этой гибкости и сегодня заключается, если так можно сказать, «соблазнительность» либерализма для всех тех рядовых граждан и политических активистов в разных странах «третьего мира» и на постсоветском пространстве, кто мечтает уже при своей жизни увидеть, как на смену «аморальным» политике, экономике, праву приходят «высокоморальные» социальные и государственные отношения и практики.

У способности либерализма вдохновлять граждан и элиты на политическое участие предложением простых правовых решений самых сложных проблем государственных и общественных коммуникаций есть, вместе с тем, оборотная сторона. В сознании граждан, ориентированных на активное участие в модернизационной политике, в любой момент либерально-демократического политического процесса могут возникнуть и часто возникают завышенные ожидания быстрой практической отдачи от таких простых правовых решений. Либеральная идеология поддерживает эти завышенные ожидания. Она настаивает на потенциальной возможности создания таких законов и такого порядка их практического применения, которые способны удовлетворить политические и экономические интересы любого человека, если он является лояльным гражданином и моральным человеком. Если законы плохи, а Конституция не исполняется, причину либерал видит в недостаточно развитом правосознании сограждан, в неумении и нежелании нелиберальной элиты создавать хорошие законы и жить по ним. «Ценностям правового государства и демократии, – даёт оценку ситуации в России екатеринбургский политолог Ю.Г. Ершов, – закреплённым в Основном законе государства – Конституции, противостоит правовой нигилизм, распространивший свои “метастазы” по всему общественно-государственному „телу”» [1, с. 58].

Наделение закона свойствами органической связки между политикой и моралью традиционно побуждает либералов критически относиться к реальной истории как к источнику моральных ценностей. Её место в либе-

ральной модели идеальной политики обычно занимает некий абстрактный «мировой опыт» или же не менее абстрактная «история прогрессивного человечества». То, что не конфликтует с представлениями о рациональности, воплощёнными в либеральном праве. Историю замещает идеологически сконструированный эталон, которому якобы должны следовать все общества и элиты, если они заинтересованы в прогрессе. Этот «опыт прогрессивного человечества», не конфликтующий с нормами либерального права, либеральные теория и практика возводят в ранг меры моральности того или иного реального политического, экономического или культурного процесса, протекающего сегодня. Для российских либералов специфическая трудность всегда состояла в том, что лишь в отдельные относительно непродолжительные периоды отечественной истории они получали в свои руки законодательную власть и имели возможность на практике проверить, насколько работоспособны их представления. В частности, о том, что не реальная история, а нормотворчество наполняет практическую политику конкретным моральным ресурсом и определяет его меру. Вследствие этого, возможно, для российских либералов было и остаётся сегодня характерным разделение нормотворческого процесса, осуществляемого государством, на два процесса. Во-первых, реальный (исторический), а потому, по определению, «неправильный и аморальный». Процесс, осуществляемый враждебным им государством. И во-вторых, процесс «правильный и моральный», которого в реальности нет, но он может и должен состояться в том случае, если над обществом и элитой в России перестанет довлеть приверженность своим традициям и истории, и историческое мышление заместит мышление правовое.

Все эти общие и специфические свойства контекста, в котором происходило в последние десятилетия развитие российского либерализма, помогают понять специфику точки отсчёта и последующую природу инверсий, произошедших в представлениях отечественных либералов о связи политики и морали за время от начала либеральных реформ до наших дней. Этот контекст позволяет понять и причины, по которым двойственным результатом завершилась работа отечественных либералов по укоренению в массовом сознании российских граждан и элит представления о либеральной политике как воплощении моральной политики. Ситуация сегодня в России сложилась специфическая. Никто явно не отказывается от ценностей и институтов либеральной демократии, от либеральных основ права и экономики. Но при этом не так много тех, кто прямо считает либеральную технологию модернизации политики, экономики и права неперспективной для нашей страны. Например, газета «Коммерсантъ» приводит следующие данные ФОМ: «Личные интересы должны быть для человека важнее, чем инте-

рессы общества или государства, убеждены 69% россиян. Эта точка зрения наиболее популярна у граждан в возрасте от 31 до 45 лет. И лишь каждый пятый (19%) считает, что для человека должны быть более важны интересы государства. Чаще всего так думают граждане старше 60 лет (25%). При этом лишь 8% граждан понимают, что такое либерализм, 52% «что-то об этом слышали». Чаще всего либеральные идеи ассоциируются у россиян с «соблюдением прав и свобод граждан». 31% опрошенных не смогли высказать своё мнение о либеральных идеях. Положительно их воспринимают 18% россиян, отрицательно – 11%. 40% вообще ничего не слышали о либерализме и затруднились сказать, что думают о нём» [2]. В фокусе внимания общества и элит продолжает оставаться такая стратегическая цель, как создание либерального правового государства, для которого фундамент строит рыночная экономика, и либерального же гражданского общества.

Анализ «моральных инверсий» новейшего отечественного либерализма приближает нас к пониманию этого парадокса современного политического процесса. С одной стороны, движение в целом либерально-демократической политической, правовой и экономической системы России идёт либеральными же, по сути, путями. По крайней мере, пока. Но это движение сопровождается достаточно критическим отношением как значительной части элит, так и рядовых граждан к либеральной идеологии и либеральному опыту других демократических стран как рациональной программе такого движения.

Мораль как ресурс и инструмент, обеспечивший на определённом этапе отечественного политического процесса замену советских элит постсоветскими, для практикующих либералов-реформаторов стала большой проблемой. Суть проблемы заключалась в практической невозможности свести в поле одних моральных представлений как «общечеловеческие», так и специфически российские, моральное обоснование реформ с их рациональным обоснованием, прогнозируемый отдалённый результат реформ с их ближайшим фактическим результатом. Это вызвало «моральную инверсию» нарождавшегося нового отечественного либерализма. То, как представляли себе моральность либеральной политики их предшественники, оставлявшие свободу выбора в этом вопросе за гражданином, не вписывалось в логику управления массивным и высокоинерционным государственным и социальным механизмом. Мораль в качестве ресурса практической политики должна была либо контролироваться государством посредством нормотворческой активности последнего, как это было заложено в западном политическом и экономическом опыте, либо быть выведенной из ряда ресурсов, значимых для государства, на этапе радикальных реформ.

Попытка решить проблему фактического конфликта моральных и рациональных обоснований радикальных либеральных реформ их ускорением до 400–500 дней имела рациональную логику [6]. Расчёт у команды реформаторов был на создание эффекта морального шока («шоковой терапии»). Пережив такой шок, любое нормальное общество, включая постсоветское, будет больше интересоваться вопросами текущего выживания, чем рефлексировать на тему моральности или аморальности тех или иных политических и экономических начинаний элиты, происхождения и возможных последствий этих начинаний. В условиях «шоковой терапии» общество само будет вынуждено стереть привычные для его прежней повседневной жизни границы между моральным и аморальным. Рациональность такого расчёта новой генерации российской властной элиты базировалась на уверенности (вполне естественной для очевидцев дискуссий конца 1980-х гг., упомянутых выше), что морально советский политический и экономический опыт окончательно дискредитированы в сознании большинства российских граждан. Соответственно, для политики радикальных реформ нет масштабной угрозы, что граждане начнут сравнивать советскую и либеральную системы властно-общественных отношений на предмет большей или меньшей моральности. Это была уверенность, что у постсоветского гражданина фактически нет выбора в вопросе признания именно политики радикальной либеральной модернизации воплощением высшей «общечеловеческой» моральности.

Тем не менее своими действиями реформаторская либеральная элита сама актуализировала такой выбор. Сознание постсоветских граждан вопрос о моральности радикальных либеральных реформ, моральности поведения и мышления реформаторской элиты поставило с первых шагов преобразований. Во многом, как представляется, потому, что в пореформенной России сложилась ситуация, теоретически смоделированная Б. Констаном в его высказывании, приведённом выше. Новые либеральные законы, сконструированные усилиями новой элиты и рационально ею обоснованные ссылками на западный политический и экономический опыт и очевидные недостатки советской системы, вторглись в регулирование не только публичной сферы общественной жизни. Они в разной мере нарушили устоявшийся за советское время привычный порядок частной жизни каждого гражданина. Нарушены были представления об индивидуальных моральных критериях человека как применительно к рядовому гражданину, так и применительно к представителю властной элиты. Скромность, ответственность за слова и действия, забота о ближнем не вписывались в правовой порядок реформ. Для значительной части граждан эти моральные установки тем не менее перевесили идею снятия ограничений, в том

числе моральных, с человека, стремящегося добиться личного успеха в политике и экономике.

Интенсивная законотворческая активность новой элиты, таким образом, поставила рядового российского гражданина перед выбором. Либо признать верховенство норм и принципов «общечеловеческой» = либеральной = закреплённой в новых законах морали над принципами и нормами морали советского общества. И тогда стать лояльным гражданином новой либерально-демократической России. Либо сохранить приверженность прежним моральным устоям и признать новые законы (по терминологии Б. Констана и Л. Фон Мизеса) «дурными» и «неадекватными».

Этот выбор, с одной стороны, способствовал становлению в современной России политического плюрализма и многопартийности. С другой, спровоцировал в обществе моральный и идейный раскол, не позволивший до настоящего времени привести российские экономику, политику, право и культуру в соответствие с западными «эталоном» либеральной демократии, как об этом изначально мечтали либеральные реформаторы 90-х гг. прошлого века. Благодаря этому сегодня в повестке дня стоит вопрос о восстановлении в России общественного согласия и достижении политического консенсуса между обществом и государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершов Ю.Г. Правовой нигилизм: причины и последствия // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 58–63.
2. Горяшко С. Слово «либерал» в России остается ругательным [Электронный ресурс] // Kommersant.ru: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2342655> (дата обращения: 28.12.2016).
3. Капустин Б. 1989 год – противоречия освобождения [Электронный ресурс] // Интелрос: Интеллектуальная Россия: [сайт]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/yar_ini/02/12.pdf (дата обращения: 22.12.2016).
4. Констан А.Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм: сборник: пер. с фр. М.М. Фёдоровой. М.: РОССПЭН, 2000. С. 24–259.
5. Мизес Л. фон. Бюрократия: пер. с англ. Челябинск: Социум, 2006. 200 с.
6. Тупик. К 20-летию либеральных реформ [Электронный ресурс]. URL: <http://prostosofia.livejournal.com/10708.html> (дата обращения: 26.12.2016).

REFERENCES

1. Ershov Yu.G. [Legal nihilism: reasons and consequences]. In: *Sotsium i vlast'* [Socium and Power], 2014, no. 3 (47), pp. 58–63.
2. Goryashko S. [The word “liberal” in Russia is abusive]. In: *Kommersant.ru*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2342655> (accessed: 28.12.2016).

3. Kapustin B. [1989 year – contradictions of liberation]. In: *Intelros: Intellektual'naya Rossiya* [Intelros: Intelligence Russia]. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/yar_ini/02/12.pdf (accessed: 22.12.2016).

4. Constant H.B. [The policy principles, suitable for every rule]. In: *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm* [Classic french liberalism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 24–259.

5. Mises L. von. *Byurokratiya* [Bureaucracy]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2006. 200 p.

6. *Tupik. K 20-letiyu liberal'nykh reform* [A dead end. The 20th anniversary of liberal reform]. Available at: <http://prostosofia.livejournal.com/10708.html> (accessed: 26.12.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Головченко Антон Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; e-mail: golovchenkoav@mail.ru

Anton V. Golovchenko – PhD in Political science, associate professor at the Department of Criminal, environmental law and criminology of the law school, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky; e-mail: golovchenkoav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Головченко А.В. Моральные инверсии современного российского либерализма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Golovchenko A.V. Moral inversions of contemporary Russian liberalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 3. Available at: www.evestnikmgou.ru.